

От этой таинственной и ужасающей истории невозможно оторваться...

The Guardian

ЛЕДЯНАЯ ШАРЛОТТА

АЛЕКС БЕЛЛ

Алекс Белл

Ледяная Шарлотта

Серия «Ледяная Шарлотта», книга 1

Серия «Лучшие молодежные хорроры»

индд предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42645224

Алекс Белл Ледяная Шарлотта:

ISBN 978-5-17-112813-5

Аннотация

Школу для девочек на одиноком острове учителя и ученицы покинули много десятилетий назад. Но, переоборудованная в жилой дом, она по сей день хранит жуткую тайну...

Софи приехала сюда на лето к своему дяде и его детям: мрачному Камерону; странной Лилиаз, которая до смерти боится костей и собственного скелета; Пайпер – настолько идеальной, что трудно в это поверить; и к еще одной кузине – девочке, чья комната полнится старинными куклами – Ледяными Шарлоттами.

Девочке, которая не должна быть здесь.

Девочке, которая умерла.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алекс Белл

Ледяная Шарлотта

Alex Bell

FROZEN CHARLOTTE

Печатается с разрешения Stripes Publishing Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Серия «Лучшие молодежные хорроры»

Дизайн обложки Анастасии Чаругиной

Перевод с английского Катарины Воронцовой

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

Text copyright © Alex Bell, 2014

Cover copyright © Stripes Publishing Limited, 2014

© К. В. Воронцова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Моей великолепной кузине, Джорджиане
Мондер-Виллрих, подруге, соседке по комнате, моей
половинке – в кино и на американских горках, – и
почетной сестре.*

Пролог

Остров Скай, 1910

Девочки снова играли с Ледяными Шарлоттами¹.

Учительница дала им лоскутки и обрывки лент из комнаты для шитья и разрешила вынести их в сад. Они должны были упражняться в вышивании, создавая платья и чепчики для нагих фарфоровых куколок.

– Иначе они простудятся насмерть, – сказала девочкам наставница.

Одна из воспитанниц не играла с остальными. Учительница вздохнула, увидев ее – сидевшую поодаль и теребившую повязку на глазах. Девочка жаловалась, что ей неудобно, но

¹ Ледяные Шарлотты (*англ.* Frozen Charlotte) – куколки, которые были популярны в США с 1850 по 1920 гг. Название куколок пошло от народной американской баллады «Прекрасная Шарлотта», о которой будет сказано ниже. Куклы могли быть от 2 (и меньше) до 46 см в длину. – *Здесь и далее примечания редактора.*

доктор заявил: повязка нужна, чтобы держать раны в чистоте. Кроме того, вид ее поврежденных глаз пугал остальных учениц.

Наставница поднялась и подошла к девочке, как раз когда та сумела развязать узел.

– Марта, – обратилась к ней женщина, умело завязывая его вновь, – помнишь, что сказал доктор?

Марта опустила голову и не ответила. Со времени несчастного случая девочка почти не говорила. С тех пор как явился доктор и она выдвинула те странные обвинения.

– Почему бы тебе не пойти и не поиграть с остальными? – предложила учительница.

Слепая покачала головой и произнесла так тихо, что воспитательнице пришлось наклониться, чтобы услышать:

– Это плохая игра.

– Чепуха. Иди и поиграй с ними. Уверена, тебе помогут, если ты попросишь.

Она взяла упирающуюся Марту за руку и повела к девочкам, игравшим на солнце. Подойдя ближе, наставница поняла, что те шьют вовсе не платья. Куклам делали саваны и накрывали этими саванами их так, словно те умерли. Некоторые ученицы даже складывали из веточек маленькие кресты.

– Что это вы делаете? – спросила учительница.

Девочки подняли головы:

– Хороним Ледяных Шарлотт, мисс Грейсон.

– Прекратите сейчас же, – потребовала она. – Что за мерз-

кая игра!

– Но, мисс, – заметила одна из воспитанниц, – им нравится быть мертвыми. Они нам сами сказали.

Глава 1

*Шарлотта жила у подножья гор.
Округа – мрак и тоска,
Соседей – на мили – ни одного:
Здесь дом ее отца.*

Когда Джей сообщил, что установил на телефон новое приложение – доску уиджа², – я совсем не удивилась. Ему всегда нравилась подобная чушь. Был вечер четверга, и мы, как обычно, сидели в нашей любимой забегаловке, поедая картофель фри.

– Нам это точно надо? – спросила я.

– Да. Не ломай кайф, – ответил Джей.

Он положил телефон на стол и открыл игру. На экране появилось изображение доски Уиджа. Слова ДА и НЕТ сплелись в верхних углах. Под ними двумя арками проступили буквы, выведенные тем же волнистым шрифтом. Ниже шли цифры – в ряд от нуля до девяти, а в самом низу – надпись «ПРОЩАЙ».

– Разве уиджа не запретили? Я думала, они опасны.

– Опасны? Это же просто доски с буквами и цифрами.

² Уиджа, или «говорящая доска» – доска для спиритических сеансов, на которую нанесены буквы алфавита, цифры и слова «да» и «нет». Была изобретена в XIX веке американцем Элайджей Бондом как домашняя игра и изначально с мистикой связана не была.

– Я слышала, в Англии они вне закона.

– Не может такого быть, иначе и приложение бы не выпустили. Ты ведь не боишься, да? Будет весело.

– Ничего я не боюсь, – заявила я.

– Тогда коснись экрана.

Я протянула руку, Джей тоже – наши пальцы соприкоснулись.

– Планшетка будет ездить по буквам и отвечать на наши вопросы, – объяснил Джей, указывая на маленькую остроко-
нечную пластинку, зависшую в углу экрана.

– Мы к ней даже не прикоснемся?

– Ее будет двигать призрак.

– Призрак, разбирающийся в мобильниках и не обращаю-
щий внимания на людей вокруг? – Я обвела взглядом пере-
полненное кафе. – Мне казалось, с уиджа надо играть в про-
клятых домах и на заброшенных железнодорожных станци-
ях.

– Это было бы просто чудесно, Софи, но так как побли-
зости нет заброшенной психбольницы или еще чего-нибудь
в этом роде, придется обойтись тем, что имеем. Кого будем
вызывать? – спросил Джей. – Джека Потрошителя? Безум-
ного короля Георга? Птицелова из Алькатраса?

– Ребекку Крейг. – Имя как-то само сорвалось с моих уст.

– Никогда о ней не слышал. Кого она убила?

– Никого. Это моя покойная кузина.

Джей поднял бровь:

– Твоя... кто?

– У моего дяди, который живет в Шотландии, была еще одна дочь. Она умерла. Ей было семь.

– Как умерла?

Я пожала плечами:

– Понятия не имею. У нас об этом никто особо не говорит. Несчастный случай.

– Ты хорошо ее знала?

– Не то чтобы очень. Мы виделись только раз. Как раз незадолго до ее смерти. Я всегда гадала, как это случилось. Думаю, я вспомнила о ней потому, что поеду к дяде на каникулы.

– Ладно. Давай спросим ее, как она умерла. Ребекка Крейг, – начал Джей, – мы взываем к тебе, откликнись!

Ничего не происходило.

– Ребекка Крейг, – повторил он, – ты здесь?

– Да не сработает это, – сказала я. – Говорила же, надо было забраться в проклятый дом.

– Почему бы тебе ее не позвать? – предложил Джей. – Может, тебе она ответит. Ты ведь ее родственница.

Я посмотрела на уиджа и неподвижную планшетку:

– Ребекка Крейг...

Не успела я закончить, как планшетка, сделав плавный круг по доске, вернулась на прежнее место и замерла.

– Духи нас приветствуют, или это глюк? – поинтересовалась я.

– Тш-ш! Ты испортишь все своей иронией. Ребекка Крейг, – снова завел Джей, – это ты? Твоя кухня хочет поговорить с тобой.

– Вообще-то мы не... – начала я, но планшетка уже двигалась. Подплыла к «ДА» и быстро вернулась в свой угол.

– Доска с голосовой активацией, – констатировала я. Протянула свободную руку через стол и схватила ломтик картошки из пачки Джея.

Шикнув на меня, он спросил:

– Душа, как ты умерла?

Планшетка помедлила, затем заскользила по буквам и вывела: «Ч-Е-Р-Н-Ы-Й».

– Ну и что это значит? – вздохнула я.

– Еще не все, – отозвался Джей.

Планшетка продолжила: «П-Е-С-О-К».

– Черный песок? – удивилась я. – Что-то новенькое. Может, она имела в виду зыбучие пески? Они есть в Шотландии?

– Душа, – заговорил Джей, но планшетка уже снова двигалась. Одно за другим она вывела шесть слов.

П-А-П-А

Г-О-В-О-Р-И-Т

Н-И-К-О-Г-Д-А

Н-Е

О-Т-К-Р-Ы-В-А-Й

В-О-Р-О-Т-А

– Это как Магический шар судьбы, – заметила я. – Каждый раз выдает случайный ответ.

– Тш-ш! Не случайный, мы же говорим с мертвецом, – сказал Джей, умудрившись остаться серьезным, даже когда я показала ему язык. – Ты из-за этого умерла, душа? Открыла ворота?

Планшетка снова пришла в движение, легко заскользив по подсвеченному экрану.

Ш-А-Р-Л-О-Т-Т-Е

Х-О-Л-О-Д-Н-О

– Шарлотте? – повторила я. – Я думала, мы говорим с Ребеккой.

– Тебя зовут Шарлотта? – спросил Джей.

Планшетка без колебаний направилась к НЕТ.

– Ты – Ребекка Крейг? – Моя очередь задавать вопросы.

Планшетка слегка подпрыгнула, прежде чем метнуться к «ДА». А затем заскользила безостановочно:

Ш-А-Р-Л-О-Т-Т-Е

Х-О-Л-О-Д-Н-О

Х-О-Л-О-Д-Н-О

Ш-А-Р-Л-О-Т-Т-Е
Х-О-Л-О-Д-Н-О

Ш-А-Р-Л-О-Т-Т-Е
Х-О-Л-О-Д-Н-О

– У этого призрака одно на уме, – зевнув, заметила я. – Надеюсь, эта ерунда стоила недорого. Разве ты не решил откладывать деньги на новый велик?

– Да, но я ненавижу копить – это так скучно. Может, лучше уницикл куплю. Как думаешь, благодаря нему я стану более популярным в школе?

Я рассмеялась:

– Разве что в школе клоунов. Тогда да. Впишешься. Будешь главным клоуном.

– Главным – уже хорошо. Мама лопнет от гордости. – Джей опустил глаза на уиджа и продолжил: – Знаешь, говорят, духи могут предсказывать будущее. Давай проверим. Ребекка, скажи, я вырасту еще хоть на пару дюймов?

Я хихикнула, когда планшетка заскользила по доске, очевидно, без всякого смысла.

Н-И-К-О-Г-Д-А
Н-Е
О-Т-К-Р-Ы-В-А-Й
В-О-Р-О-Т-А

П-А-П-А

Г-О-В-О-Р-И-Т

П-А-П-А

Г-О-В-О-Р-И-Т

В-О-Р-О-Т-А

Н-И-К-О-Г-Д-А

– Это, наверное, означает «нет».

– Несомненно. Зуб даю.

Джей вяло огрызнулся:

– Блин, не язви, – и снова посмотрел на доску. – Душа, я
сдам завтрашний тест по алгебре?

Ч-Е-Р-Н-Ы-Й

П-Е-С-О-К

Л-Е-Д-Ы-Ш-К-А

Ш-А-Р-Л-О-Т-Т-А

Х-О-Л-О-Д-Н-О

Ч-Е-Р-Н-Ы-Й

П-Е-С-О-К

Ш-А-Р-Л-О-Т-Т-Е

Х-О-Л-О-Д-Н-О

З-Д-Е-С-Ь

П-А-П-А

Теперь мы с Джеем хихикали вместе, как малолетки, но от его следующего и последнего вопроса смех застрял у меня в горле.

– Когда я умру?

На сей раз планшетка ответила по-другому. Бесцельно покружила по доске и вывела семь букв:

В-Е-Ч-Е-Р-О-М

– Похоже, я не слишком ей нравлюсь. – Джей поднял глаза на меня. – Как думаешь?

Прежде чем я успела ответить, из его мобильного полилась призрачная мелодия, вроде тех, что доносятся из музыкальных шкатулок. Мы даже подпрыгнули.

– Твой новый рингтон? – поинтересовалась я.

– Никогда раньше этого не слышал.

– Ты шутишь.

Он покачал головой, смотря на меня самым невинным взглядом:

– Наверное, это дополнительная функция в приложении. Чтоб было еще страшней.

Внезапно раздался детский голос – пела девочка, жалобно и неуверенно. Мелодия была простой и печальной: песня для маленьких костров, пустошей и холодных ночей.

Шарлотта жила у подножья гор.

*Округа – мрак и тоска,
Соседей – на мили – ни одного:
Здесь дом ее отца.*

– Любишь розыгрыши, да? – улыбнулась я, пихнув Джей локтем. Другие посетители начали коситься на нас – им не нравилась мелодия. – Ты сам ее поставил!

– Клянусь тебе, нет, – ответил Джей. – Просто это действительно крутое приложение.

*Злей ночи не видел: тьма и мороз —
Поводьев не удержать.
«В жилах от холода стынет кровь», —
Сказала Шарлотта, дрожа.*

Джей постучал по экрану, чтобы закончить сеанс приложения, но, хотя песенка и прекратилась, доска уиджа не исчезала. Планшетка металась по доске как безумная.

– Чувак, кажется, эта игрушка только что сломала твой телефон, – заметила я.

Это была просто шутка. Я думала, ничего страшного не случилось – все исправит перезагрузка, но затем экран телефона и лампы в кафе замерцали.

Наши с Джемом взгляды встретились, и я впервые увидела тень сомнения на его лице.

Внезапно все лампы погасли, оставив нас в крошечной тьме.

Со всех сторон завздыхали и заворчали посетители, где-то в зале заплакал ребенок. Мы слышали, как приборы и посуда с громким лязгом попадали на кухне. Единственным источником света остался мобильник Джея – он лежал на столе между нами. Посмотрев на экран, я увидела, как планшетка скользнула к цифре девять и начала обратный отсчет. Когда она добралась до нуля, кто-то начал кричать – жутко, пронзительно, долго. Холодные, липкие пальцы сплелись с моими – в темноте Джей взял меня за руку. Я слышала скрежет стульев – люди вставали, пытаясь понять, в чем дело. Заныли дети, стаканы и вещи полетели на пол – видимо, клиенты в темноте пробирались к выходу и врезались в столы. Но все заглушал ужасающий плач женщины. Я отпустила руку Джея и повернулась на сиденье, устремив взгляд во тьму: хотела увидеть, что же происходит. Глаза привыкли, и я различила силуэты людей в кафе – черные и зыбкие, как в театре теней.

Одна фигура казалась выше остальных, невероятно высокой. Я поняла: кто бы это ни был, он стоит на столе. Фигура не шевелилась. Остальные двигались, крутили по сторонам головами, но эта тень словно застыла. Я даже не могла определить, лицом или спиной она ко мне обращена, фигура просто стояла, вытянув руки по бокам.

– Ты это видишь? – произнесла я, но мой голос утонул в шуме. Я встала и сделала небольшой шаг вперед, всматриваясь в тени. Разглядела длинные волосы и юбку. В центре хаоса, на столе, стояла девочка. Никто, похоже, ее не замечал.

– Джей... – начала я, обращаясь к другу. В этот момент его мобильник отключился. Экран мигнул и погас. А в кафе зажегся свет. Я повернулась, чтобы взглянуть на стол, где стояла девочка, но там уже никого не было. Только чистая скатерть.

– Ты ее видел? – спросила я Джея.

– Кого?

Я поискала глазами девочку в юбке, но та исчезла.

Казалось, кафе пострадало от землетрясения. Повсюду на полу – разбитый фарфор и стекло, стулья упали, пара столов перевернуты.

– Кто это кричал? – спрашивали друг друга посетители.

– Что случилось?

– Кто-то ранен?

– Что, черт возьми, происходит?!

– О боже, кто-то обжегся!

Билл, владелец кафе, вывел из кухни одну из официанток. Наверное, именно ее крик мы слышали во тьме. Она все еще рыдала, и теперь было ясно почему. Вся правая верхняя часть ее тела превратилась в сплошной ожог: кисть, рука, плечо и половина лица приобрели кроваво-черный цвет. Кожа настолько обгорела – с трудом верилось, что когда-то она была здоровой. Волосы девушки еще дымились. От запаха к горлу подступала тошнота.

Я слышала, как кто-то звонил в скорую, другие люди подошли ближе, спрашивая, что случилось.

– Не знаю, – отвечал Билл, белый как мел. – Не знаю, как это произошло. Свет вырубили, и она, наверное, оступилась. Думаю... думаю, она упала на фритюрницу.

Кровь стучала у меня в ушах. Я повернулась к Джею. Не говоря ни слова, он протянул мне мобильник. По экрану – сверху донизу – змеилась огромная трещина.

– Ты... ты его уронил? – спросила я.

Джей покачал головой.

Вскоре приехали медики и забрали рыдавшую девушку.

– За все время работы у нас ни разу не случилось такого несчастья, – услышала я голос хозяина кафе. – Никогда.

Билл уехал в больницу вместе с официанткой, и кафе закрыли пораньше. Все поспешили уйти, сели в машины и разъехались. И вот на парковке остались только мы. Обычно Джей ездил домой на велике, а я ждала, пока меня подхватит мама. Сегодня он сказал, что останется со мной, пока она не приедет, и я была ему благодарна.

– Спасибо тебе, – сказала я. – И спасибо, что взял меня за руку, когда свет вырубили.

Он посмотрел на меня странно и произнес:

– Но это был не я.

По спине побежали мурашки:

– Конечно, ты.

– Нет. Тебе, наверное... показалось. Там черт-те что творилось?

Я вспомнила холодные пальцы, которые сплелись с мои-

ми, и тряхнула головой:

– Кто-то определенно взял меня за руку, когда стало темно. Кто, если не ты?

– Это точно был не я. Может, у тебя появился тайный поклонник.

– Ты заметил девочку, стоявшую на столе? Мне кажется, я видела ее силуэт в темноте.

Джей уставился на меня с непониманием:

– Ты что, хочешь меня напугать? Не сработает, даже не пытайся. Я не так наивен.

Я вновь взглянула в окно кафе. Когда приехала скорая, времени на уборку тратить не стали, и заведение так и закрыли: повсюду валялись стулья и осколки посуды, а столы остались перевернутыми. И только два стола среди этого хаоса выглядели совершенно обычно – сервированные, с нетронутой едой. Это было жутко.

Я поежилась и отвернулась, боясь снова увидеть там девочку.

– Знаешь, – обратился ко мне Джей. – Все как с ума походили, когда свет погас. Из-за криков официантки. Если бы не она, никто отключения бы и не заметил. Это просто кошмарный несчастный случай. Ничего больше.

Тут моя мама заехала на парковку и помахала мне из окна машины.

– Давай мы тебя подбросим, – предложила я.

Дом Джея был неподалеку, и он всегда возвращался на

велосипеде, но я никак не могла выкинуть из головы его последний обращенный к уиджа вопрос: *«Когда я умру?»*

– Нет, спасибо, – отказался Джей. – Поеду на велике.

Я помедлила.

– Джей...

– Ты ведь не из-за приложения волнуешься, да? Ничего со мной не случится, – уверил он и ухмыльнулся. – Обещай мне одно. Если этим вечером я все же встречу отвратительную и кошмарную смерть, ты расскажешь миру, что во всем виноват призрак.

Улыбнуться не получилось.

– Пожалуйста, не шути так, – попросила я.

Джей рассмеялся и обнял меня за плечо:

– Думаю, ты будешь очень по мне скучать.

У нас за спиной загудел клаксон – мама меня поторапливала. Помахав ей, Джей сказал:

– Увидимся в школе.

– Ладно. До завтра.

Я пошла к машине, но, сделав несколько шагов, остановилась и, обернувшись, воскликнула:

– Джей!

– Да?

– Послушай меня.

– Что?

– Поезжай сегодня по набережной, ладно? Пожалуйста.

Обычно Джей добирался до дома коротким путем, пере-

секая несколько оживленных автодорог. Он всегда так делал и ни разу не попадал в аварии. Я знала, что веду себя глупо. Но на набережной машин почти нет, а путь всего на несколько минут длиннее.

Я боялась, что Джей рассмеется, а потом откажется или начнет меня дразнить, но он просто кивнул.

– Хорошо, Софи. Поеду по набережной. – Ухмыльнувшись, Джей отправил мне воздушный поцелуй. – Ради тебя я готов на все.

Сев к маме на переднее сиденье, я помахала, когда мы проезжали мимо, и не сводила с друга глаз, пока мы не повернули за угол и он не исчез из виду.

Я не хотела говорить с мамой о том, что случилось в кафе, и, оказавшись дома, сразу пошла наверх и приняла ванну. Прежде чем уснуть, отправила Джею смс: пожелала ему доброй ночи. Обычно я так не делала, но мне хотелось знать, что он добрался домой без приключений. В ответ пришло только: *«До свидания»*.

Наверное, Джей хотел написать *«До завтра»*, но сработала автозамена, а он не заметил. Хотя бы ответил, значит, уже дома.

Я забралась в постель и уснула.

И только на следующее утро вспомнила: когда в кафе Джей показывал мне телефон, тот был разбит.

Всю ночь мне снились доски уиджа, горящие волосы, маленькие девочки, которые держали меня за руку во тьме. И Джей в гробу. Я проворочалась до утра. Очнуться от этих кошмаров было настоящим облегчением.

Проснувшись, я встала, не дожидаясь, пока мама вытряхнет меня из кровати. Солнце светило ярко, и события вчерашнего вечера уже не казались такими ужасными: просто отключили свет, и кто-то пострадал. Мне было жаль бедную официантку, но произошел всего лишь несчастный случай. При свете дня он уже не казался таким мистически ужасным.

Я быстро оделась – на сей раз мне не терпелось оказаться в школе. Джей должен скоро зайти за мной, и мы вместе туда пойдем, как всегда.

Когда я собиралась, услышала, как внизу звонит телефон. Мама ответила, но я не прислушивалась. Когда я спустилась к завтраку, она как раз повесила трубку.

– Кто звонил? – поинтересовалась я.

Мама не ответила. Посмотрев на ее лицо, я поняла: случилось что-то очень плохое.

– В чем дело? – снова спросила я. – Кто это был?

– Софи, – произнесла мама странным, сдавленным голосом, – не знаю... не знаю, как сказать... Милая, будь сильной...

– Мама, да что случилось? Что не так?

– Джей... Звонил его отец. Вчера... Джей так и не вернулся домой.

– Нет, он вернулся, – выдохнула я. – Он же написал мне.

В этот миг я и вспомнила, что телефон Джея разбился, вытащила свой из кармана и стала искать сообщение, но оно исчезло.

– Ничего не понимаю. Вчера он отправил мне смс. Я его видела.

– Софи, он не отправлял тебе смс. Ох, милая, мне так жаль, но... по дороге домой он попал в аварию. Они считают... считают, что у велосипеда, скорее всего, отказали тормоза. Джей упал в канал. Когда его вытащили, было слишком поздно.

– Что значит «слишком поздно»? – Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. – Джей – прекрасный пловец. Он выиграл почти все школьные соревнования по плаванию в прошлом году. Если бы он упал в канал, то доплыл бы до набережной и выбрался!

Мама покачала головой:

– Они думают, что он ударился головой при падении. Софи, он утонул.

Это не могло быть правдой. И все же было.

Джей погиб.

Глава 2

*Стекались к ним женихи и знать
В зимние вечера,
Ведь он был хозяин, каких не сыскать,
А она прекрасна была.*

Следующие несколько дней я провела, свернувшись клубком под одеялом. Пыталась не шевелиться, не дышать, не думать – и не спать, – не хотела видеть сны о том, что случилось.

Они считают, что у велосипеда, скорее всего, отказали тормоза...

Старый велик Джея разваливался на части, поэтому он и копил на новый. Я пыталась вспомнить, жаловался ли он именно на тормоза, но голова шла кругом... я просто возвращалась мыслями к тому моменту, когда Джей стоял рядом с велосипедом на парковке...

«Хорошо, Софи. Поеду по набережной...»

Первую ночь после его смерти я не спала совсем. Всё думала о доске уиджа, о девочке, которую вроде бы видела в кафе, о холодных пальцах, что сплелись с моими, когда стало темно. О Джее, который лежал на столе у гробовщика, совсем один.

На следующий день, в каком-то помрачении, я начала ис-

кать в сети информацию об уиджа. Перескакивала с сайта на сайт, уставившись в экран покрасневшими глазами. Чем больше я читала, тем хуже мне становилось. Пытаясь найти информацию о самом приложении, я узнала только, что его больше не продают. В качестве объяснения на сайте разработчиков было написано: из-за жалоб клиентов.

В сети было множество предупреждений насчет доски уиджа. Многие люди пострадали из-за гадания, а некоторые даже погибли. Девочка по имени Бет оставила на одном форуме такое сообщение: *«Никогда и ни за что не играйте с этими досками. Это небезопасно и совсем не весело. Просто хочу предупредить вас, чтобы никто больше не потерял своих друзей, как я».*

Я содрогнулась. Вот бы прочитать ее слова прежде, чем Джей загрузил это дурацкое приложение.

На одном из сайтов утверждали, что, если планшетка выводит восьмерку, значит, доской управляет злой дух. Я задумалась: попыталась вспомнить, было такое или нет, но мысли по-прежнему путались.

Были две вещи, напугавшие меня по-настоящему. Первая – три вопроса, которые никогда нельзя задавать доске уиджа:

Никогда не спрашивай о боге.

Никогда не спрашивай о кладах.

Никогда не спрашивай о своей смерти.

Вторая, ужаснувшая меня более остальных, – предупреждение, набранное жирным шрифтом: нельзя, чтобы планшетка начинала обратный отсчет, иначе призванный дух вырвется наружу.

А наша планшетка обратный счет и начала, и закончила – застыла на нуле, и как раз в это время закричала официантка на кухне...

Я пыталась убедить себя, что всё это просто совпадение и смерть Джея не имеет ничего общего с доской уиджа, духами и прочей загробной чушью, но это не помогало. Даже если мой друг погиб просто из-за неисправных тормозов, все равно виновата была я. Это я попросила его поехать по набережной.

«Ради тебя я готов на все...»

Неделя прошла как в тумане: я постоянно плакала, не знала, куда себя деть. Прежде, если я грустила, Джей оказывался рядом и подбадривал меня. Теперь я тоже ждала, что он снова отправит мне смс или появится на пороге моего дома. И каждый раз, когда я оставалась в комнате одна, мне казалось: в ней кто-то есть. Кто-то незримый.

За мной словно кто-то следил. Кожа начинала чесаться, шея – гореть. Я спускалась на первый этаж, надеясь, что, если мама будет неподалеку, ощущение исчезнет, но это не помогало.

Однажды, сидя перед телевизором в пижаме – на переодевание могло уйти слишком много сил, – я почувствовала, как

чьи-то ледяные пальцы касаются моего лица. Я вскочила на ноги и опрокинула миску с попкорном, которую только что принесла мне мама.

– Ребекка? – спросила я, испуганно озираясь. – Ты здесь? В комнате никого не было.

Через пару секунд пришла мама – ее испугал шум.

– Что случилось? – спросила она.

– Мам... – Я сглотнула и попыталась унять дрожь в голосе. – Ты играла с доской уиджа, когда была маленькой?

– Станный вопрос, – заметила мама и наклонилась, чтобы собрать попкорн. – Не помню такого. А почему ты спрашиваешь?

– Просто... мы с Джем играли в ту ночь... когда он умер.

– Где вы ее взяли? – взглянув на меня, спросила мама.

– Это была виртуальная доска, Джей загрузил специальное приложение на телефон.

– Просто игра какая-то?

– Нет, мам, это была не игра. Доска... она сказала, что Джей умрет, как раз тем вечером.

Мама распрямилась и подошла ко мне:

– Ох, Софи, не нужно забивать себе этим голову. Приложение не может знать, когда ты умрешь.

– Но это было не просто приложение, мам. Это как настоящая доска уиджа. Ее считают опасной, в интернете пишут, что иногда злые духи могут...

– Дорогая, несчастье, произошедшее с Джем, не связано

ни с какими с событиями того дня. — Она помедлила, а потом добавила: — Хочешь, я позвоню в школу и попрошу о встрече с психологом? Может, тебе станет легче, если ты поговоришь об этом с ним.

Я замотала головой прежде, чем она закончила предложение:

— Этого я точно делать не буду.

— Ладно, — сказала мама, поднимая руки и отступая, — я только предложила.

Я знала, что всерьез она мои слова не восприняла, а тем временем щека оставалась холодной, как если бы ледяные пальцы действительно коснулись моей кожи. С того дня я стала чувствовать себя необычно, но не смогла бы объяснить, как именно, ни маме, ни кому-либо другому.

Я убеждала себя, что это скорбь и чувство вины заставляют меня размышлять о странных вещах. В конце концов, даже если мы вызвали Ребекку, даже если она и вырвалась из той доски, зачем ей вредить Джею? Ничего плохого он ей не сделал, он и знаком с ней не был. Но, читая о призраках в интернете, я часто натыкалась на такую теорию: люди, которые умерли при подозрительных обстоятельствах, становятся мстительными духами и не различают, кому вредят, — просто делают это, пока правосудие не восторжествует. А я до сих пор не знала, как же все-таки умерла Ребекка.

Вечером того же дня я попыталась расспросить об этом маму. Она пробормотала что-то о несчастном случае, и все.

«Обещай мне одно, – сказал Джей. – Если со мной что-нибудь случится, ты расскажешь миру, что во всем виноват призрак... ты расскажешь...»

Конечно, он шутил и не имел в виду ничего такого, и все же... дикая мысль, что я должна – ради Джея – выяснить, имел ли призрак отношение к его смерти, запала мне в голову. И, если Ребекка все-таки приложила к этому руку, что ж... так просто она не отделается, я об этом позабочусь.

Поэтому, когда приехал папа и сообщил, что они с мамой решили отменить свою поездку в честь годовщины свадьбы и останутся дома со мной, я ответила: это ни к чему и я совсем не против навестить дядю и кузенов, живущих на острове Скай. Мама и папа долго копили на поездку в Сан-Франциско, и я знала: они потеряют деньги, если вернут билеты на самолет. Поэтому я сказала им именно то, что они хотели услышать.

– Оставшись здесь, я все время буду думать о том, что случилось, – заявила я. – Мне лучше сменить обстановку.

Это было неправдой. Все, чего мне на самом деле хотелось, – это без перерыва плакать в своей комнате, но, похоже, я оказалась лучшей актрисой, чем думала, ибо неделю спустя стояла в аэропорту с чемоданом и махала родителям на прощанье.

Сначала нужно было лететь в Глазго, затем на поезде ехать до Маллейга и наконец там сесть на паром. Добираться до острова Скай было очень сложно, вот почему я видела своих

кузенов – Камерона, Пайпер и Ребекку – только однажды, семь лет назад, когда они приезжали погостить. Камерон был пианистом-вундеркиндом и тогда прибыл в Лондон с семьей, чтобы выступить перед известным учителем музыки. А свою кузину Лилиаз я совсем не знала – тетя Лаура была только беременна ей, когда мы в последний раз виделись.

Мысль о встрече с Камероном, Пайпер и Лилиаз немного тревожила. Впрочем, поворачивать назад было поздно.

Целый день понадобился мне для того, чтобы попасть на Скай. К тому времени как я села на паром в Маллейге, с неба закапало. Последние пару недель стояла душающая жара, и дождь был почти облегчением – теплая летняя морось дымкой висела в воздухе и оседала на окнах парома большими, тяжелыми каплями, мешая разглядеть остров. Я вытащила из сумки камеру, решив, что нужно сделать снимок издалека. На самом деле, думаю, мне просто хотелось взять ее в руки, почувствовать знакомую тяжесть. Она была для меня настоящим сокровищем.

Остров возник на горизонте внезапно, как будто поднявшись из воды. На фоне серого неба проступили очертания зазубренных утесов, таких острых, что, казалось, взбираясь по ним, можно порезать руки. О чем я думала, собираясь в путь? О том, что бы об этом подумал Джей.

– И куда ты собралась? – ахнул бы он, изображая изумление. – На охоту за призраками? Ты ведь знаешь: и пяти минут не продержишься.

Наверное, он был прав. Я, видно, сошла с ума, когда решила сюда заявиться. Что я собиралась делать? Выследить мстительный дух Ребекки и каким-то образом отправить его на тот свет?

«Ты должен быть польщен, – мысленно обратилась я к Джею. – Ты умер, и я двинулась умом. Это самый настоящий комплимент тебе!»

Неясно, от того ли, что я думала о Джее, или от качки, но у меня вдруг закружилась голова. Я обрадовалась, когда в шесть вечера мы наконец вошли в порт.

Снаружи моросило. Громкоговорители парома захрипели и ожили. Кто-то из сотрудников, говоривший с сильным шотландским акцентом, сделал объявление:

– Леди и джентльмены, как вы можете видеть, Скай сегодня оправдывает свое название, которое с гэльского переводится как «Остров тумана». Так что просим пассажиров смотреть под ноги, спускаясь по трапу, – здесь очень скользко. Добро пожаловать на полуостров Слит, наслаждайтесь пребыванием на Скае.

Трап сменялся покатым металлическим настилом, лежащим в воде на сваях. Едва я шагнула на него, как ветер бросил волосы мне в лицо, и я почувствовала на губах вкус соли. Добираясь до парковки, я промокла насквозь.

Я огляделась, гадая, где мог быть дядя Джеймс. Так и не увидев его, я испугалась, что он не приехал. Может, забыл или перепутал время. Чувствуя, как накатывает паника, я по-

ставила чемодан на мокрый асфальт, полезла в карман за телефоном – подпрыгнула от неожиданности, когда чья-то рука опустилась мне на плечо. Развернувшись, я увидела дядю, который стоял под зонтом. Высокий и темноволосый, он был совсем не похож на маму, что и понятно, ведь они сводные брат и сестра, а не кровные.

– Прости, – произнес он. – Я не хотел тебя напугать. Просто не был уверен, что это ты. С тех пор как мы виделись в последний раз, ты подросла.

– Да... Много времени прошло, – откликнулась я, не зная, что еще сказать.

– Это точно... – согласился дядя Джеймс. – Много... очень много времени.

Он смотрел на меня, но как будто находился где-то далеко. Я подумала, что, возможно, он вспоминает нашу последнюю встречу, когда Ребекка была еще жива. Он покачал головой и вроде бы увидел меня снова.

– Ты промокла, – заметил он. – Давай в машину.

Я забралась на переднее сиденье, дрожа от холода и отчаянно желая, чтобы мы уже были дома и я смогла надеть сухую одежду.

– Надеюсь, ты хорошо доехала, – сказал дядя Джеймс, садясь в машину. – Это долгий путь, особенно если ехать в одиночку и погода не сахар. Боюсь, у нас на Скае лето не самое приятное.

– Здесь всегда так туманно? – спросила я. Казалось, мгла

набегала с моря волнами.

– Очень часто. Западное побережье острова усеяно обломками кораблей. Моряки недооценили наши густые туманы и надеялись, что увидят сушу вовремя. Но в итоге корабли шли на дно. Вместе с экипажем.

Когда речь зашла об утопленниках, мне снова вспомнился Джей – но образ его явился мне не таким, каким хотелось бы. Он не дышал, не смеялся, не жил. Это было бездыханное тело, холодное, как камень, распластавшееся на берегу канала.

Внезапно навалилась усталость. До дома было полтора часа пути. Я прислонилась к окну, намереваясь лишь на секунду прикрыть глаза, но сразу же отключилась и проснулась, только когда дядя Джеймс похлопал меня по плечу. Снаружи, из-за черных туч и тумана, все выглядело очень мрачным.

– Приехали, Софи, – сказал дядя.

Я потеряла сонные глаза и подняла голову, ожидая увидеть дом. Вместо этого в резком свете прожекторов передо мной предстали ворота. Огромные, по меньшей мере два метра в высоту, они были вмурованы в кирпичную, столь же высокую стену. Створки скрепляла тяжелая цепь. Я смотрела, как дядя выбирается из машины и отворяет их.

– Я скажу тебе код от замка, но никогда не оставляй ворота открытыми, – вернувшись в машину, сообщил он.

«Папа говорит, никогда не открывай ворота...»

Я выпрямилась. Сон как рукой сняло. Я была уверена:

доска уиджа говорила нечто подобное.

– Почему? – Мой голос дрожал.

Я заметила, как губы дяди Джеймса сжались в тонкую линию.

– Это опасно, – ответил он. – Утром ты увидишь. Дом стоит на утесе. Здесь лучше не ходить в плохую погоду. Или в темноте.

Мы проехали в ворота, и дядя снова их запер. Длинный каменный дом чернел в свете прожекторов. Мне показалось, я заметила движение в одном из верхних окон, словно штору отдернули и быстро вернули на место. Из центра шиферной крыши поднималась причудливая башенка.

– Что это? – спросила я, показывая пальцем.

– Старая колокольня, – объяснил дядя Джеймс. – Раньше здесь была школа. Колокола там уже нет. Для него тут слишком ветрено. Он постоянно звонил, и я не мог сосредоточиться на работе над своими картинами. Что ж, твои кузены, уверен, просто жаждут тебя увидеть... Пайпер в последние дни только об этом и говорила.

Теперь, когда я наконец добралась до места, мне захотелось обратно на паром. Я пригладила волосы, надеясь, что, высохнув, они не превратились в воронье гнездо. Дядя Джеймс припарковался, и, когда мы вышли из машины, под ногами захрустел гравий. Прохладный ветер касался моей кожи, а до ушей долетал далекий шум волн во мгле.

– Почему пахнет гарью? – поинтересовалась я, внезапно

уловив запах дыма и пепла.

– Я ничего не чувствую, – отозвался дядя, и я тут же поняла, что он прав. Запах исчез внезапно, как будто его унес соленый морской ветер.

Дядя Джеймс достал мой чемодан из багажника, и я пошла за ним – к дому. Вскоре мы оказались в пустынной прихожей с выложенным плиткой полом и крутой лестницей, ведущей на второй этаж. Мне она совсем не понравилась, по шее побежали мурашки. Эта лестница была слишком высокой и крутой, словно созданной для того, чтобы свернуть себе шею, поскользнувшись на ней. В доме было очень душно, от жары и спертости воздуха по спине побежали струйки пота.

– Странно, – протянул дядя Джеймс. – Я думал, они соберутся здесь, чтобы нас встретить.

В эту секунду открылась дверь слева, и из нее вышла девушка – моя ровесница.

Это Пайпер.

Я помнила, что моя кузина очень хорошенькая, но девушка, которая спешила мне навстречу, была просто прекрасна. Она надела джинсы, простую розовую водолазку без рукавов, а восхитительные рыжеватые волосы собрала в густой конский хвост. Ее глаза цвета морской волны напомнили мне о русалках.

Я тут же почувствовала себя какой-то простушкой. Было немного неловко, но Пайпер подбежала ко мне и обняла так, словно мы с ней – давно разлученные сестры.

– Привет, Софи! – воскликнула она, сжимая меня в объятиях. – Я так рада, что ты к нам приехала.

– Я тоже, – ответила я, надеясь, что это не прозвучало слишком официально и что с волосами у меня все-таки не полная катастрофа.

– Где Камерон? – спросил дядя Джеймс.

Пайпер помедлила, словно знала: отцу ее ответ не понравится – и сказала:

– Я не знаю. Наверное, он в своей комнате. Уверена, он хотел поприветствовать Софи, но, похоже, приболел...

– Не пытайся выгородить его, Пайпер, – резко оборвал ее дядя Джеймс. – Когда я уезжал, Камерон был вполне здоров, и я ясно дал ему понять, что он должен быть здесь и поприветствовать кузину, когда мы приедем.

Как бы у Камерона не было из-за меня неприятностей...

– Да все в порядке... – начала я.

– Нет, не в порядке, – оборвал и меня дядя Джеймс. – Это невероятно грубо, и мне остается только извиниться за него. Боюсь, ты увидишь, что Камерон уже не тот мальчик, каким ты его помнишь. Он очень изменился с тех пор, как... ну... я думаю, ты знаешь, нашей семье пришлось нелегко.

Я кивнула и прикусила язык. Надо было найти правильное время для вопросов о Ребекке, и день приезда казался не лучшим.

– А где Лилиаз? – продолжил расспросы дядя Джеймс. – Она что, тоже внезапно заболела?

– Она здесь, папа, – отозвалась Пайпер. – На лестнице.

Вздвогнув, я осознала, о чем говорила Пайпер. На лестнице, так тихо и неподвижно, что я ее и не заметила, сидела девочка. Я встретила взглядом с темноволосой малышкой, смотревшей на нас из-за перил. Она не улыбалась.

– Лилиаз, пожалуйста, подойди сюда и поздоровайся с Софи, – попросил дядя Джеймс.

Девочка встала, но вместо того чтобы спуститься, развернулась и, не говоря ни слова, побежала вверх по лестнице. Секундой позже на втором этаже глухо хлопнула дверь.

– Не сердись на Лилиаз, – сказал дядя Джеймс. – Она немного нервная, но скоро к тебе привыкнет. Пайпер, почему бы тебе не показать Софи дом, пока готовится ужин?

– Да, конечно. Пойдем, я буду твоим гидом. Начнем с твоей комнаты, чтобы ты могла оставить вещи.

Я подняла чемодан и пошла за ней по лестнице.

– Прежде, во времена школы, здесь были спальни учительницы и девочек, – прощепетала Пайпер. – Вот твоя комната.

Она распахнула ближайшую к лестнице дверь, и мы оказались в спальне с большим эркером. На туалетном столике стояла ваза с жирянками³.

– Я так рада, что ты здесь, – произнесла Пайпер. – Мне так одиноко здесь. Лилиаз слишком маленькая, а Камерон... ну... боюсь, с ним сейчас не весело. Давай посмотрим, вдруг

³ Жирянка – хищное комнатное растение.

он прячется у себя.

Волнуясь, я пошла за ней по коридору, но, когда Пайпер открыла дверь в комнату Камерона, его там не оказалось.

– Наверное, он в каком-то другом месте, – вздохнула кузина. – Вряд ли тебе удастся с ним пообщаться, Софи. Музыка – единственное, что его волнует.

Оглядывая его комнату, я так и поняла – повсюду были разбросаны ноты.

– Он и правда очень хорош, несмотря на... травму. Он уже никогда не сможет играть, как раньше, поэтому нужно быть снисходительным к нему. Думаю, именно из-за травмы брат иногда бывает немного... резким. Он не специально. Я стараюсь помнить об этом, когда он грубит, и не обижаться, и ты тоже так делай.

Я вспомнила, как познакомилась с Камероном в детстве: он был добрым и веселым мальчиком и делал все, чтобы его сестры играли со мной. Не верилось, что он мог кому-то грубить.

– Сейчас он не такой, каким ты его помнишь, – произнесла Пайпер, словно прочитав мои мысли.

– Что ты имела в виду, говоря о травме? – спросила я. – Я ничего такого не помню.

– О, это случилось после того, как мы приезжали к вам, – ответила Пайпер. – Он повредил руку. Во время пожара. Не напоминай ему об этом ни в коем случае, иначе он ужасно расстроится.

Она показала мне другие спальни наверху – все, кроме одной, расположенной между моей комнатой и комнатой Ли-лиаз.

– А что там? – любопытствовала я, указывая на закрытую дверь.

– В эту спальню мы... мы не заходим, – сказала Пайпер. – Никогда.

Она посмотрела на меня и еле слышно добавила:

– Понимаешь, раньше это была комната моей сестры. Ребекки.

– Ох.

Впервые я услышала в голосе кузины грустные нотки и не решилась задавать вопросы. Мы спустились на первый этаж, и Пайпер показала мне остальной дом, центром которого была огромная вытянутая комната с высоким сводчатым потолком, окнами во всю стену и настоящей сценой у дальней стены.

– Раньше это был актовый зал, – сообщила Пайпер. – Вот почему он такой большой. Здесь проводились собрания, а на сцене играли школьные пьесы.

Теперь зал одновременно служил и столовой, и гостиной: в одной его части возвышался обеденный стол, в другой стояли диванчики и кушетки. Меня немного встревожили окна, расположенные по всей его длине. Ночь еще не настала, но из-за грозowych туч снаружи все утопало в тенях. На окнах не было штор: мрак словно льнул к стеклам, пытаясь проник-

нута в дом. Я привыкла к занавескам и, глядя на голые окна, представила, что кто-то может смотреть на нас из тьмы, а мы и не узнаем.

Большой черный рояль блестел посередине сцены. Пайпер поднялась к нему, и я последовала за ней.

– Это инструмент Камерона, – сказала она, поглаживая гладкую полированную крышку. – Кабинетный рояль. Отец купил его перед несчастным случаем, когда мы все думали, что у нас растет новый Моцарт. Он стоил целое состояние. Отцу пришлось перезаложить дом, чтобы купить его. Это радость и гордость Камерона. Иногда мне кажется, он беспокоится о рояле больше, чем о ком-нибудь из нас.

Пайпер улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

Затем мы отправились в пахнущую мелом комнату с доской у стены. Перед ней стояли три старомодные парты.

– Это был один из классов, – продолжила экскурсию Пайпер. – Парты – те самые, школьные. Камерон, Ребекка и я делали здесь домашнюю работу, а Лилиаз занимается и теперь, во время учебного года. Смотри, это снимок школы тысяча девятьсот десятого года.

Она указала на черно-белую фотографию в рамке на стене. Дом на ней выглядел так же, как и теперь, вот только вокруг него не было высокой стены, а на башенке виднелся колокол. Класс выстроился в ряд перед главным входом – человек двадцать, все девочки, семи-восемью лет. Учительница, серьезная и строгая, стояла рядом с ними, сложив руки на

груди. Впрочем, дети тоже были очень серьезными.

– Не похоже, чтобы они сильно веселились в прежние времена, да? – спросила Пайпер, усмехаясь.

На этой фотографии мое внимание привлекла одна девочка. Она стояла в переднем ряду, рядом с учительницей, лицом к фотографу, но не могла его видеть – ее глаза закрывала повязка. Школьница была похожа на осужденного перед казнью.

– Почему на ней повязка? – указала я на девочку.

Кузина пожала плечами:

– Не знаю. Может, у нее болели глаза. Или она была слепая.

На стене висели и другие фотографии – семейные. На одной из них были Камерон, Пайпер и Ребекка. Наверное, снимок сделали перед тем, как они к нам приехали, потому что я их такими и запомнила. Камерон, стоявший между сестрами, обнимал их, и все улыбались. Мой взгляд метнулся к Ребекке. Она была очень красива: длинные черные волосы, фиалковые глаза.

– Это одна из последних фотографий с Ребеккой, – вздохнула рядом со мной Пайпер. – Мы выглядим такими счастливыми, да? Я часто смотрю на этот снимок и мечтаю вернуться в тот день. Чтобы предупредить нас обо всем, что случится.

Говоря это, она посмотрела на снимок тети Лауры, висевший неподалеку. Пайпер унаследовала практически все ее

черты, вплоть до рыжеватых волос.

– Ты с ней видишься? – спросила я.

О тете Лауре я знала совсем немного. Например, то, что пару лет назад у нее был нервный срыв и ее поместили в лечебницу.

Пайпер покачала головой:

– Папа навещает ее иногда, но доктора считают, что ей вредно видеть детей, поэтому мы с ним не ездим. Она так и не смогла смириться со смертью Ребекки. Иногда мне кажется, что именно поэтому Лилиаз такая серьезная. Мама плакала каждый день, пока носила ее. Камерону иногда удастся заставить Лилиаз улыбнуться, но только ему одному. И она никогда не смеется.

– Никогда?

– Я не видела, чтобы она смеялась. Не думаю, что она это умеет, бедняжка. Ладно. Пойду накрывать на стол к ужину. Ты можешь пока отдохнуть и привести себя в порядок, если нужно.

Я поднялась в свою спальню, переделалась и расчесала волосы. Открыв дверь, чтобы пойти вниз, я увидела в коридоре Лилиаз. На ней были джинсы и свитер с высоким горлом – меня это удивило, ведь в доме было так душно и жарко, что сама я надела футболку. В руках девочка держала плюшевого страуса.

– Привет, – обратилась я к ней и, указав на игрушку, добавила: – Как зовут твоего друга?

Я подумала, что она снова убежит, но Лилиаз протянула мне страуса и сказала:

– Это подруга, а не друг. Ее зовут Ханна. Она никогда не говорит мне никаких гадостей. Не заставляет делать ужасных вещей.

– Э-э-э... это хорошо, – неуверенно протянула я.

– А как зовут твою подругу? – любопытствовала в ответ Лилиаз.

– Какую подругу?

– Девочку, которая приехала с тобой.

Я в недоумении уставилась на кухню:

– Со мной никто не приезжал.

– Приезжал, – настаивала Лилиаз и, указав на дверь в комнату Ребекки, добавила: – Она только что вошла туда. Сказала, что живет там, но это неправда. Это комната моей сестры.

Я снова взглянула на нее:

– Я приехала одна, Лилиаз.

– Она держала тебя за руку, когда вы вошли в дом.

Проглотив ком в горле, я произнесла таким строгим голосом, который была способна изобразить:

– Это неправда.

Лилиаз нахмурилась.

– Правда, – возразила она. – Я никогда не вру. А вот ты – врешь. Думаю, ты знала, что она держит тебя за руку. Ты специально привела ее к нам. Лучше бы ты не приезжала! Ты мне не нравишься, и Ханне тоже!

Она пронеслась мимо меня, сбежала по лестнице и исчезла из виду. Похоже, подружиться с Лилиаз с первого раза у меня не получилось. С секунду я смотрела ей вслед, а затем перевела взгляд на запертую дверь Ребекки. Подошла поближе и немного постояла перед ней. Затем протянула руку и легонько коснулась дерева кончиками пальцев.

Ахнув, я отдернула их. Дверь оказалась очень холодной, но не это испугало меня – мне почудилось, что за ней находится леденящее душу зло. Я не могла облечь чувство в слова, не смогла бы никому рассказать об этом, но в запертой комнате таилось нечто темное, жуткое и злобное. Меня замутило.

Я поежилась и растерла руки, чтобы избавиться от мурашек. Мне захотелось бежать далеко-далеко, не оглядываясь. И тут я услышала удар, словно какой-то тяжелый предмет свалился на пол.

Я могла поклясться, что источник звука был в запертой комнате Ребекки.

Глава 3

*Она мечтала – под новый год —
В алой закатной мгле,
В окно, где иней узорный цвел,
Глядя на бег саней.*

Натянутая как струна, я смотрела на дверь, собираясь с духом, а затем шагнула ближе. Звук не повторился, и я приложила ухо к двери, прислушиваясь изо всех сил.

– Тебе помочь?

Я не слышала шагов, так что едва не подпрыгнула, когда позади раздался голос.

Обернувшись, я увидела высокого юношу – черноволосого, мрачного и промокшего насквозь. Его джинсы отяжелели от воды, а темная футболка под курткой прилипла к телу. Это наверняка был Камерон – единственный мальчишка-подросток в доме – но я ни за что бы его не узнала, если бы не была в курсе, что это он.

Ему исполнилось шестнадцать – на год больше, чем мне – и он выглядел очень бледным и таким серьезным, что представить себе его улыбающимся было невозможно. И все же он обладал каким-то странным обаянием – я, залюбовавшись его скулами и торсом под мокрой футболкой, даже смутилась. Его голубые глаза смотрели на меня так пристально,

словно он умел читать мысли и уже знал все мои секреты.

– Ой, – сказала я, – нет. Извини. Я просто... услышала шум.

– Тебе показалось, – холодно произнес Камерон. – В этой комнате никто больше не живет.

Я сглотнула:

– Да. Я... кстати, я Софи.

– Я знаю, кто ты, – отозвался он. – И зачем ты здесь?

Его вопрос смутил меня. Я не понимала, что он имел в виду: здесь – у двери Ребекки или здесь – в доме?

– Просто... приехала погостить. А почему ты весь мокрый?

– Гулял, – бросил он. И добавил с раздражением: – На улице опять льет.

Камерон прошел мимо меня и скрылся в своей комнате. Я глядела ему вслед, гадая, чем же так его разозлила, а затем спустилась и встретила с Пайпер в прихожей.

– А я как раз иду звать тебя на ужин, – сообщила она. – Встретила Камерона по пути?

– Да, – коротко ответила я, не зная, что сказать о нашем странном обмене любезностями.

– Полагаю, ты заметила, что он попал под дождь? – спросила Пайпер. – Пожалуйста, не говори папе, что он был на улице. Нам нельзя уходить из дома в плохую погоду. Папа с ума сойдет, если узнает.

– Хорошо, – ответила я. Меньше всего на свете мне хоте-

лось доставить Камерону неприятности, учитывая, что я и так ему не слишком понравилась.

Кузина улыбнулась и крикнула:

– Камерон! Ужин готов!

Он не ответил, но она, похоже, этого и не ждала.

– Пойдем! – Пайпер снова обращалась ко мне. – Папа и Лилиаз уже в столовой.

Я последовала за ней в зал. Свет в гостиной был выключен. Над обеденным столом горели лампы, заливая его ослепительным светом и погружая остальную комнату во мрак. Дядя Джеймс и Лилиаз уже сидели за столом, и на один странный миг мне показалось, что мебель – декорации, а они – всего лишь актеры, изображающие семью, которая собирается поужинать.

Следуя за Пайпер, я прошла через всю комнату к столу. Дядя Джеймс сидел во главе, Лилиаз – справа от него.

– Твое место рядом со мной, – сказала Пайпер. – Садись, а я пойду за едой.

Она вышла из комнаты, а через минуту вернулась с большим подносом овощей и поставила его в центр стола. Она снова отправилась на кухню, и тут появился Камерон.

– О, ты все же решил почтить нас своим присутствием? – поинтересовался дядя Джеймс, когда Камерон выдвинул себе стул на противоположном конце стола. Я заметила, что кузен прятал правую руку в кармане и пользовался только левой. Его вытертые полотенцем волосы еще не высохли. До-

гадался ли тогда дядя Джеймс о том, что сын ходил на улицу?

– Хотя бы поздоровайся с кузиной.

– Мы уже встречались наверху, – не глядя на меня, ответил Камерон.

– А вот и я, – прощепетала Пайпер, появившись с двумя исходящими паром тарелками в руках. – Ешьте, пока горячее.

Она принесла стейки под соусом беарнез. Я была впечатлена: мне самой удавалось только разогреть банку бобов или сварить яйцо. Но когда я попыталась выразить свое восхищение, Пайпер рассмеялась:

– Наверное, не стоит признаваться, но его приготовила не я. Но это одно из самых роскошных готовых блюд. Мне хотелось отметить твой первый вечер с нами чем-то вкуснее пиццы.

– Выглядит чудесно, – похвалил дядя Джеймс.

– Да, это очень аппетитно, Пайпер, но как, по-твоему, я должен это есть? – спросил Камерон.

– Ой, – заволновалась Пайпер, – мне так жаль. Я не подумала. Давай нарежу его.

Я с удивлением наблюдала, как Пайпер вскочила и бросилась к Камерону, чтобы нарезать для него стейк. Все это время он держал вилку в левой руке и бесстрастно смотрел на сестру. Было неловко и никто ничего не объяснял, но я и так поняла: из-за обожженной руки Камерон не мог держать нож.

– Твоя мама говорит, ты хорошо фотографируешь, Софи, – сказал дядя Джеймс.

– Ну... Не так уж хорошо, но мне очень нравится этим заниматься, – ответила я, чувствуя на себе взгляд голубых глаз Камерона.

– Бесполезно пытаться удержать молодежь дома, я это знаю, – заметил дядя Джеймс. – Но тем не менее настаиваю, чтобы ты держалась тропинок. Некоторые из них, например, те, что бегут по утесам, небезопасны. Совсем недавно – этим летом – здесь погиб один из туристов: группа подошла слишком близко к обрыву. – Он покачал головой. – Такая жалость. Наверное, ему хотелось сделать фотографию получше. Надеюсь, ты будешь более осторожна? В первый раз иди на прогулку с Пайпер и Камероном. Они знают, где безопасно, а где нет.

– Завтра я покажу тебе окрестности, – улыбнулась мне Пайпер.

– Лилияз, – обратился к младшей дочери дядя Джеймс, – ты ничего не хочешь сказать кухне?

– Прости, что убежала, не поприветствовала тебя как надо и вела себя грубо, – проговорила Лилияз будто заученный текст.

– Все в порядке, – сказала я и улыбнулась ей.

– Я нарисовала тебе картинку, – продолжила Лилияз.

– Вот и умница, – одобрил дядя Джеймс.

Девочка вытащила из-под стола листок и подтолкнула его

ко мне. Камерон взглянул на рисунок, когда тот оказался рядом с его тарелкой, и, резко бросив вилку, вырвал у Лилиаз листок и смял его в кулаке.

– Камерон! – рявкнул дядя Джеймс. – Давай без выкрутасов. Отдай рисунок Софи.

– Не думаю, что он ей понравится, – совершенно спокойно отозвался Камерон.

– Отдай немедленно, – потребовал дядя Джеймс, скрипнув зубами.

Какое-то время они не отрываясь смотрели друг на друга. Наконец Камерон пожал плечами и разгладил рисунок, как мог, одной рукой. Правой я так и не увидела: она была под столом. Кузен протянул мне листок с почти извиняющимся взглядом.

Взяв его, я поняла, почему Камерону не хотелось, чтобы я его видела. Лилиаз воспользовалась всего двумя карандашами: красным и черным. На картинке она изобразила дом и семью перед ним. Все бы ничего, но все персонажи рисунка были мертвыми. Двое взрослых, судя по всему родители, и трое детей лежали в лужах крови, заштрихованных кривыми, как будто бы злобными линиями. Сверху типично детским, неровным почерком Лилиаз подписала свой рисунок: «Дом убийств».

– Он убил их всех, пока они спали, – пояснила она самодовольным тоном, каким фокусник говорит «та-да!», исполнив трюк.

– Кто? – спросил дядя Джеймс, встревоженно глядя на дочь.

– Никто не знает. Его так и не поймали.

– Она снова смотрела передачу о нераскрытых преступлениях, – объяснил Камерон, взял вилку и продолжил есть, словно ничего не случилось. – И нарисовала очередную сцену убийства.

– Ох, Лилиаз, – простонал дядя Джеймс. – Бога ради, ну почему ты не нарисовала цветочек?

Посмотрев на меня, он добавил:

– Прости... у нее сейчас мрачный период. Думаю, все дети через такое проходят, правда?

Я кивнула, хотя и не смогла вспомнить, чтобы сама когда-нибудь рисовала кошмарные сцены убийств и дарила такие рисунки другим.

– Это случилось ночью, – продолжила свой рассказ Лилиаз, глядя на меня. – Они все легли спать, и кто-то их убил. Порубил топором прямо в постелях. Хрясь, хрясь!

– Лилиаз, довольно, – начал сердиться дядя Джеймс. – Не за столом. Вспомни о манерах.

– Софи решит, что она приехала в дом ужасов, – натужно рассмеялась Пайпер. Повернувшись к Камерону, она продолжила: – Может, поиграешь для Софи, пока она здесь? – Кузина говорила с таким воодушевлением, и я решила, что она просто пытается вернуть беседу в нормальное русло. – Например, после ужина?

Она посмотрела в другой конец комнаты. Лампы там были выключены, сцена и рояль утопали в тенях, и, когда внезапно раздался нестройный аккорд, я едва не подпрыгнула. Нож и вилка с лязгом упали на стол.

– Кто там? – спросила я, всматриваясь во мрак сцены, пытаясь разглядеть рояль и гадая, не сидел ли за ним пятый член семьи Крейгов, о котором я не знала... Из тьмы донеслось еще несколько аккордов, нестройных, немелодичных – казалось, незнакомец за роялем играть совсем не умел и давил на случайные клавиши.

Камерон рассмеялся, впервые с момента моего прибытия, но смех его не был добрым.

– Расслабься, – сказал он. – Это Ракушечка.

Послышались еще пара случайных нот и мягкий удар. Через несколько секунд из тени вышла серая кошка и прыгнула на колени Камерону.

– Кажется, я забыл опустить крышку. – Кузен явно наслаждался произведенным эффектом.

Смутившись, я опустила глаза в тарелку.

– Ракушечка – необычное имя для кошки, – произнесла я, чтобы не молчать.

– Ее называли в честь персонажа одной легенды, – объяснила Пайпер. – Ракушечка – это шотландское чудище, водяной с длинными черными волосами, который живет в ручьях и реках. Его одеяние все в ракушках: когда чудище движется, они позвякивают, и ты можешь слышать, как оно прибли-

жается. Если ему не удастся утопить человека, он с удовольствием над ним поиздевается – так о нем говорят.

Они говорили об утопленниках уже второй раз. До смерти Джея я была равнодушна к подобным темам, но теперь не хотела ни слышать, ни думать об этом. Я не была уверена, знали ли дядя Джеймс и его семья о том, что случилось с моим лучшим другом, но Пайпер, похоже, почувствовала, что мне неприятны ее слова, и быстро сменила тему. Указав на кошку, она произнесла:

– Ребекка назвала ее так.

В комнате воцарилась полная тишина. Все застыли. Конечно, разговор о Ребекке не мог быть веселым, но и такой реакции я не ожидала. Все смотрели на Пайпер, будто она только что произнесла самое грязное ругательство.

Первым пришел в себя Камерон, наколол на вилку кусочек стейка, отправил его в рот и медленно прожевал, не спуская глаз с Пайпер. Дядя Джеймс опустил бокал на стол так резко, что расплескал вино – на скатерти остались пятна.

Лилиаз вонзила нож в стейк – он заскрежетал по кости.

И тут девочка закричала.

Это был ужасный, пронзительный визг. Волосы у меня встали дыбом. На одну кошмарную секунду я предположила, что Лилиаз отрезала себе палец – так она кричала. Если бы у Крейгов были соседи, они бы точно вызвали полицию, уверенные в том, что в доме кого-то убивают.

Зашипев, кошка спрыгнула с коленей Камерона. В следу-

ющий миг он вскочил на ноги, как и дядя Джеймс, и оба они метнулись к Лилиаз. Камерон оттолкнул от нее тарелку, словно это была бомба, готовая взорваться в любую секунду. Я заметила кровь у него на руке и поняла, что кошка оцарапала его, прежде чем убежала. Несколько капель упало на скатерть.

– Все хорошо, Лилиаз, – успокаивал сестру Камерон. – Помнишь, что надо делать? Дыши. Просто дыши.

Я видела, что Лилиаз пытается, но, похоже, она была так напугана, что физически не могла вдохнуть. Ее всю бил крупная дрожь, как во время приступа. Потребовалось несколько минут, чтобы она пришла в себя. Все это время Пайпер снова и снова повторяла:

– Мне жаль. Мне так жаль. На упаковке было написано: без костей. Я проверяла. Дважды!

Наконец, когда Лилиаз немного успокоилась, Камерон сказал:

– Я уложу ее.

Одним плавным движением он взял сестру на руки. Обняв его за шею, она спрятала лицо у него на плече. Камерон поднял валявшуюся на столе плюшевую страусиху и, не сказав ни слова, вышел из комнаты.

Дядя Джеймс тяжело опустился в кресло, Пайпер застыла, прижав обе руки к губам. В зале снова воцарилась мрачная тишина.

– С ней... с ней все будет в порядке? – прервала молчание

я.

– Да, – откликнулся дядя Джеймс. – Ты, наверное, не можешь понять, что тут случилось, Софи. Лилиаз больна. Но она лечится. Раз в неделю мы ездим к врачу в город.

– Чем больна? – спросила я.

– Это называется картилогенофобия, – объяснил дядя Джеймс. – Боязнь костей.

Когда Пайпер положила руки на стол, я увидела, что они дрожат.

– Я не знаю, как такое могло произойти, – прошептала она. – На упаковке было написано: без костей. Наверное, они что-то напутали на заводе. Мне так жаль, папа.

– Это не твоя вина, – утешил ее дядя Джеймс. Он посмотрел на меня и сказал: – Ты должна знать, что Лилиаз боится любых костей, даже тех, что у нее внутри. Ей стало немного легче, с тех пор как она начала лечение, но все же мы никогда не подаем к столу еду с костями... и на всякий случай запираем кухонные ножи. Пару лет назад Лилиаз достала один и попыталась вырезать себе ключицу. К счастью, она выжила – Камерон остановил ее, иначе бог знает, чем бы все закончилось. Я не думаю, что она сделает это снова, но... мы не хотим рисковать.

– Я понимаю, – проговорила я, не зная, что еще сказать.

Вдруг Лилиаз надела свитер с высоким горлом, чтобы скрыть шрамы от своей неудачной попытки избавиться от ключицы?

Камерон и Лилиаз не вернулись к столу, их еда остывала на тарелках. Мы с Пайпер и дядей ужинали в такой напряженной тишине, что я была рада, когда все закончилось и мне наконец удалось уйти в свою спальню.

Едва я открыла дверь, в нос ударил запах гниющих цветов. К моему удивлению пурпурные жирянки на столике у кровати съжились и завяли, пока я была внизу. Так быстро... Может, кто-то проскользнул сюда и заменил живые цветы на мертвые?

Переодеваясь, я представляла, что бы сказал Джей, будь он рядом. Наверное: «Они все ненормальные, Софи. На твоём месте я бы свалил отсюда, пока тоже не спятил. Я, конечно, буду навещать тебя в дурдоме, если ты окончательно слетишь с катушек. Можешь на меня положиться. Ты ведь знаешь, что я всегда буду рядом, да?»

Иногда я слышала его голос у себя в голове так ясно, словно он все еще был со мной, словно я могла до него дотронуться.

– Я не уеду, – ответила я Джею, хотя и понимала, что его здесь нет. – Как бы мне этого ни хотелось, я не уеду, пока не узнаю, что на самом деле случилось с тобой.

В комнате было душно и жарко, но, когда я подошла к окну, чтобы впустить немного свежего воздуха, то обнаружила, что оно запечатано каким-то темным воском. Рама не поддавалась. Мне не удалось сдвинуть ее ни на миллиметр.

Я застонала. Было так жарко. Возможно, цветы действи-

тельно погибли.

Выключив лампу, я забралась в кровать и попыталась не шевелиться, чтобы чуть остыть.

Я думала, сон не придет ко мне этой ночью легко, но уснула, стоило мне только лечь, и проспала бы, наверное, до рассвета, если бы несколько часов спустя не очнулась от того, что на моей лодыжке сомкнулись холодные пальцы.

Глава 4

*В пятнадцати милях от нее
В деревне давали бал,
На улице был ужасный мороз,
А в девичьем сердце – жар.*

Пальцы были ледяными, они обжигали кожу. Всхлипнув во тьме, я попыталась сесть и дотянуться до прикроватной лампы, когда еще одна ледяная рука поймала меня за запястье и прижала мою кисть к постели. Пальцы путались у меня в волосах, тянули голову на подушку. По всему телу скользили холодные руки. Казалось, они вырастали из кровати, щипали и царапали, как сотни маленьких птиц, желающих заклевать меня до смерти.

Я открыла рот, чтобы закричать, но поняла, что они проникли и туда – крохотные ледяные пальцы, слишком маленькие, чтобы быть человеческими. Миниатюрные ладошки смыкались вокруг языка, царапали зубы и нёбо, лезли в горло, не давая мне вздохнуть.

Я вырывалась, боролась с ними, как могла, но напрасно – их было слишком много, они побеждали. Я понимала: они хотят моей смерти.

Голос, теплый и нежный, голос, который я знала так хорошо, прошептал мне на ухо:

– Очнись, Софи. – Голос Джея. – Это просто сон. Просыпайся.

Наверное, я закричала потому, что Джей не погиб, а был рядом со мной, и все произошедшее оказалось просто ночным кошмаром. Осознав это, я нашла в себе силы стряхнуть холодные пальцы, которые хотели утащить меня во мрак. Последним усилием я освободила одну из рук и попыталась ударить их. Моя ладонь столкнулась в темноте с чем-то твердым. Я почувствовала, как ногти впились в чью-то кожу и под ними выступила кровь.

Снова раздался голос:

– Очнись, Софи! Это сон!

Говорил не Джей – Камерон.

Я несколько раз моргнула, пытаюсь понять, что случилось. Горел свет, и я поняла, что нахожусь в гостевой спальне дяди Джеймса. Камерон склонился надо мной, его темные волосы были взъерошены, он сжимал мои руки. Глубокая царапина бежала по его щеке, сочась кровью.

– Это сон, – повторил он. – Просто ночной кошмар, тебе ничто не угрожает. – Левая рука Камерона, теплая и живая, прикасалась ко мне. Правая была загрубевшей, словно не рука вовсе, а какая-нибудь перчатка. Я знала: у Камерона были сильные ожоги, но не думала, что ладонь повреждена целиком до запястья. Я вспомнила об официантке в кафе. Ее крик все еще звенел у меня в ушах, я вновь почувствовала кошмарный запах горящих волос и плоти и задрожала.

Камерон, вероятно, решил, что на меня так подействовала его рука, и резко отвел ее, словно я ударила его током. Он отступил от кровати так быстро, что едва не споткнулся. На его штанах не было карманов, и потому он спрятал руки за спину.

– Прости, – произнес Камерон. – Я бы не вломился к тебе так, просто услышал твой крик и подумал...

Внезапно он замолчал, и мне показалось, что кузен решил сказать что-то другое: я подумал, что ты поднимешь весь дом.

Да, мне приснился кошмарный сон, но я все равно осмотрелась, опасаясь увидеть руки, тянущиеся из матраса или сплетающиеся на подушке. Конечно, ничего такого я не увидела, только смятые, мокрые от пота простыни.

– Мне жаль, – сказала я. – Я просто... Похоже, у меня действительно был кошмар.

– Точно, – отозвался Камерон и поднял бровь. – Это же не будет повторяться каждую ночь, да?

Мои щеки запылали. Камерону явно было неприятно видеть меня такой, да и вообще, будить его посреди ночи – значит производить не самое приятное впечатление.

– Раньше такого не случалось, – попыталась оправдаться я, а затем, увидев царапину и не сумев сдержаться, застонала. – Это я сделала?

– Я никак не мог тебя разбудить, – ответил он и добавил: – Ты сильнее, чем кажешься.

– Мне очень жаль, – повторила я.

Камерон чуть склонил голову:

– Забудь. Меня не в первый раз ударила девчонка, и я уверен, что не последний. Теперь ты сможешь спокойно уснуть?

– Да, – смущенно сказала я. – Прости.

– Перестань извиняться. – Камерон повернулся к двери.

Я пожелала ему доброй ночи, но он не ответил и вышел, осторожно держа обожженную руку перед собой так, чтобы я ее не увидела.

Несколько минут я лежала без сна. Мне было плохо. Я ненавидела себя за то, как отреагировала, увидев ладонь Камерона. Если бы не кошмар, не воспоминание об обожженной официантке, такого никогда бы не случилось. Утром я могла бы все объяснить кузену, но побоялась, что это только ухудшит ситуацию.

Я откинулась на подушку, но все еще не чувствовала себя в безопасности. Боялась, что холодные руки вернуться, стоит мне выключить свет.

Я покачала головой, поражаясь своей трусости. Скоро начну вопить при виде обычной тени. Протянув руку, я выключила свет.

И тут внизу кто-то засмеялся.

Никогда прежде я не слышала этого смеха и от неожиданности щелкнула выключателем еще раз.

Смех зазвучал вновь.

Боже, каким странным он был. Я подскочила в кровати.

Сердце бешено колотилось. Пронзительный, высокий, какой-то неправильный смех: вроде человеку было совсем не весело, но он все равно смеялся.

Я выбралась из постели и на цыпочках вышла в коридор к лестничной балюстраде. С этой точки можно было видеть прихожую и входную дверь, но во тьме я не смогла там ничего разглядеть. Однако я продолжала слышать смех, ясней, чем прежде. Я замерла. Смех прекратился, и раздался голос.

– Чудовищно, – отчетливо сказали внизу. – Чудовищно, чудовищно.

Мурашки побежали у меня по спине. Голос тоже звучал как-то странно и неправильно, словно говоривший утратил рассудок или вовсе не был человеком, ведь человек не может издавать таких звуков. Я даже не могла понять, мужчина это или женщина. Голос был высоким, но все же не женским. Кто бы это ни был, он находился в прихожей и беседовал сам с собой во тьме.

Я вспомнила об ужасном убийстве, которое описывала за ужином Лилиаз, и тут же подумала, что надо бы кого-нибудь разбудить. Рассказать, что в дом кто-то вторгся, вызвать полицию. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем копы доберутся до этого одинокого утеса? Ближайший дом, наверное, в нескольких милях отсюда. Нас всех поубивают в постелях, и об этом еще много часов никто не узнает.

– Никогда не делай этого снова, – послышалось снизу. – Никогда не делай этого снова. Здесь под ковриком кровь!

Я попятилась от балюстрады, пытаюсь вспомнить, где находится комната дяди Джеймса. В следующий миг дверь дальше по коридору отворилась. На пороге появился Камерон. Несмотря на жару, поверх пижамы он надел халат и прятал правую руку в кармане.

Лихорадочно жестикулируя, я поманила его к себе.

– Внизу кто-то есть, – прошептала я, когда он приблизился.

– Знаю, – ответил Камерон. – Это Темный Том.

– Чудовищно, – пропел голос. – Чудовищно.

Я вцепилась в перила:

– Какой еще Темный Том?

– Жако, которого завела Пайпер. – Увидев, что я ничего не поняла, Камерон разъяснил: – Африканский серый попугай. Его клетка – в нише над входной дверью. Она тебе его не показывала?

От облегчения я захотела расцеловать Камерона.

– Нет, видимо, не успела, – разжала я наконец пальцы.

– Наверное, ты подумала, что какой-то безумец решил зарубить нас в постелях, – предположил Камерон. – А я ведь не хотел, чтобы ты увидела рисунок Лилияз.

В сумраке я не различала его лица, но услышала в голосе насмешку.

– Ты всегда такая нервная? – поинтересовался он.

– Я просто испугалась от неожиданности, – огрызнулась я. – Вот и все. И сколько слов он знает?

– Целую кучу. У него потрясающий словарный запас. Нам очень нравилось учить его, когда мы были младше. Он повторит что угодно, если услышит это несколько раз. Иногда ему хватает и одного раза.

– Он говорил о крови под ковриком.

– Да. Боюсь, Темному Тому пришлось услышать много ужасных вещей в этом доме. Не обижайся, если он начнет тебя костерить. У него отвратительные манеры. Не знаю, почему мы его до сих пор терпим. – Камерон нагнулся через перила и зловеще прошептал: – Том! Замолчи! Или не получишь фруктов на завтрак.

– Кровь, – мрачно сказал Том. – Под ковриком.

– Предупреждаю, Том, – прошипел Камерон.

Наконец попугай умолк.

– Ну, – сказал Камерон, поворачиваясь ко мне и чуть приподнимая бровь, – восхитительная выдалась ночь. Если Том разбудит тебя снова, просто скажи ему, чтобы заткнулся. С ним надо быть построже. Пусть Пайпер познакомит вас завтра. Но не надейся, что вы с ним подружитесь, он ужасный мизантроп. И ни за что не суй пальцы в клетку. Откусит как пить дать.

– Спасибо за совет, – откликнулась я. – И за... за помощь в том, что случилось раньше.

Камерон взглянул на меня во тьме. На мгновение в воздухе разлилась тишина. Я услышала, как он набирает воздух, и подумала, что он хочет о чем-то поговорить, но в итоге ку-

зен просто пожелал мне спокойной ночи и вернулся к себе, хлопнув дверью.

* * *

Больше той ночью меня не тревожили, и я проспала до самого утра. Проснувшись, первым делом я заметила, как солнечные зайчики танцуют на потолке, отражаясь от волн, и слышала вдалеке крики чаек.

Я встала и подошла к окну, выходявшему в сад позади дома: внизу плескался океан. Но мое внимание привлекло обгоревшее дерево. Оно казалось черным и мертвым. Тонкие длинные ветви царапали воздух, как скрюченные пальцы. Кора обуглилась, но в ветвях я разглядела обгоревшие доски. Наверное, когда-то здесь был домик.

Взглянув на часы, я ужаснулась: время завтрака давно прошло. Я проспала намного дольше, чем хотела. Быстро надев джинсы и топик, я спустилась на первый этаж. Теперь, когда солнце светило в окна, я увидела нишу, о которой говорил Камерон. Клетка с попугаем стояла в глубине, почти незаметная. Жако оказался очень красивым, с гладкими серыми перьями и блестящими умными глазами, которые неотступно следили за мной.

– Привет, – сказала я. – Ты вчера очень меня напугал.

– Напугал, – отозвался Темный Том, покачивая головой, словно ему нравилось новое слово. – Напугал. Напугал. На-

пугал!

Я знала, что попугай не понимал, что именно говорит, и просто повторял за мной, но от удовольствия в его голосе у меня по спине побежали мурашки.

Пайпер, наверное, услышала мой голос и секундой позже вышла из гостиной.

– Негодник, так разбудить Софи! – Ее рыжеватые волосы сегодня были распущены и мягкими волнами рассыпались по плечам, от чего она еще больше походила на русалку.

Сочувственно посмотрев на меня, Пайпер проговорила:

– Камерон рассказал мне, что Том нагнал на тебя страху этой ночью. Мне ужасно жаль.

– Да ничего. К счастью, твой кузен вовремя появился, иначе я бы разбудила дядю из-за попугая.

– Ох, Камерон терпеть не может ночной болтовни Тома. У него хроническая бессонница. У брата, не у попугая! Наверное, от того, что он слишком много думает. Если бы он расслабился и позволил себе посмеяться, спал бы как младенец. Будешь завтракать? А потом можем погулять по утесу.

– Хорошо. Как там Лилиаз? – поинтересовалась я по дороге на кухню.

– О, с ней все в порядке. Ей всегда становится легче после крепкого сна. Садись. Я сделаю тосты.

Я опустилась на стул, и Ракушечка прыгнула мне на колени.

– Видимо, ты ей понравилась, – удивилась Пайпер. –

Обычно она не идет к чужим.

Одной рукой я держала тост, другой – гладила Ракушечку. Теперь я видела, что это очень старая кошка. У нее осталось всего несколько зубов. Она была худой, как скелет, и мурчала все время, пока я ее почесывала.

– А что у нее с глазами? – Теперь, приглядевшись, я заметила: один глаз Ракушечки был плотно закрыт.

– Она одноглазая, – откликнулась Пайпер.

– Она такой родилась?

Пайпер помедлила и пояснила:

– Нет, не родилась. Понимаешь, это была кошка Ребекки.

Я нахмурилась и хотела спросить, при чем тут это, но Пайпер уже зашагала к двери.

– Может, пойдем, если ты закончила? – спросила она, оборачиваясь.

– Да, только камеру возьму.

Я сбегала наверх за фотоаппаратом, и несколько минут спустя Пайпер разомкнула тяжелую цепь на воротах.

– Папа уже говорил тебе об этих воротах?

– О том, что они всегда должны оставаться закрытыми?

Пайпер кивнула:

– Он ужасно боится, как бы чего не случилось с Лилиаз.

– Поэтому окна моей спальни запечатаны?

– Как и все окна наверху. Но это сделал не папа. Давно, когда здесь еще была школа, произошел несчастный случай. Одна из девочек выпала из окна.

– Ужасно. Она не пострадала?

– Она умерла. После этого запечатали окна.

Мы аккуратно закрыли ворота и зашагали по тропинке, которая вилась по краю утеса, и теперь я поняла, почему она опасна: на ней не было ограждений – сразу обрыв и скалы внизу. Ветер, такой же сильный, как и вчера, казалось, цеплялся за мои рукава, пытаясь спихнуть меня с дорожки. Когда я задала Пайпер вопрос о заборе, она рассказала:

– Ограду хотели поставить, но эта тропинка тянется через земли фермеров и пустоши на многие мили, и это стоило бы целое состояние. Ну как? Здесь красиво, не правда ли?

Так и было, но, когда я получше рассмотрела пейзаж, мороз пошел у меня по коже. Песок на пляже. Я представляла себе песок теплого золотистого оттенка, но он оказался черным, как грязь.

Черный песок...

Я словно вернулась в кафе и смотрела, как планшетка выводит эти слова.

Ледяная Шарлотта, черный песок...

– Ты знаешь девочку по имени Шарлотта? – спросила я Пайпер.

– Шарлотта? – удивилась Пайпер. – Не припомню. А что?

– Забудь. Не важно.

Мы шли по тропинке. Пайпер весело рассказывала о птицах, растениях и скалах. Через пять минут я не выдержала:

– Что ты имела в виду, когда говорила о Ракушечке?

– О Ракушечке?

– Да, ты сказала, что она была кошкой Ребекки, так, словно это объясняло, почему она одноглазая.

Пайпер застыла на месте.

– Я думала, ты знаешь, – ответила она. – Забыла, что вы встречались с Ребеккой только однажды.

Она взглянула на меня – рыжеватые пряди развевались вокруг лица.

– Если бы ты знала ее чуть лучше, тебе бы не пришлось объяснять. Ребекка иногда... могла быть жестокой. Боюсь, Ракушечка попалась ей под руку в плохой день. Или ей просто было скучно.

Я уставилась на нее:

– Хочешь сказать, что Ребекка... что она нарочно изуродовала свою кошку?

– Она обещала никогда больше так не делать, – еле слышно проговорила Пайпер. – Думаю, она знала, что поступила плохо.

– Но это же просто ужасно!

– Да, именно так. Но Ракушечка хотя бы выжила, а вот ее сестре не повезло.

– А с ней что случилось?

– Тогда у нас было две кошки, Ракушечка и Шелки, одна – Ребекки, другая – моя. Однажды мы с Ребеккой сидели на кухне. Ты видела там камин? Так вот однажды Ребекка подошла к нему с Шелки на руках. До сих пор помню, как

она стояла перед ним, глядя в пламя, очень долго, а затем внезапно бросила бедную Шелки в огонь. Кошка обгорела и умерла. Ребекка потом проплакала целый месяц. – Пайпер покачала головой. – Бог знает, что на нее нашло, почему она это сделала. Тогда папа и купил мне Темного Тома. Эй, почему бы нам не пройтись до Нейст-Пойнта? Я покажу тебе маяк. Иногда с него можно увидеть дельфинов, китов, гигантских акул и прочих морских тварей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.